

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/6

МИКРОИНФРАСТРУКТУРА ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЧУКОТКЕ: ЯРАНГИ, КОНТЕЙНЕРЫ И ТЕПЛИЦЫ*

Елена Андреевна Давыдова,
Владимир Николаевич Давыдов

Аннотация. В статье представлены результаты исследования авторов в Иультинском районе Чукотского автономного округа в 2017–2019 гг. общей продолжительностью полгода. Основным фокусом выступает используемая местными жителями инфраструктура, а также практики ее адаптации для решения повседневных задач. Авторы рассматривают яранги, контейнеры и теплицы, бытующие в селе Амгуэма, как встраиваемые и легко замещаемые модули, позволяющие оперативно расширить возможности местных жителей в контексте их хозяйственной деятельности. Подобные материальные объекты представляют собой «инфраструктурные плагины», которые функционируют в тандеме с «большими программами», реализуемыми на Чукотке крупными инфраструктурными проектами. Яранги, контейнеры и теплицы, соответствующие принципам многозадачности действий и полифункциональности вещей, помогают местным жителям поддерживать свою относительную автономность, давая возможность производить и накапливать ресурсы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности местных домохозяйств.

Ключевые слова: подсобное хозяйство, ресурсы, снабжение, инфраструктура, Чукотка, Арктика

Чукотка является территорией, где на протяжении десятилетий активно реализуются различные проекты развития инфраструктуры. Здесь строятся дороги и возводятся дома, сооружаются порты, создаются сети магазинов, гостиницы, предприятия с передовыми технологиями, такие как оленеубойные пункты, промышленные теплицы или мясокомбинаты. Повседневность местных жителей постоянно трансформируется под воздействием создания, функционирования и разрушения такого рода объектов. Данная статья продолжает научную дискуссию, все чаще поднимаемую в последнее время по поводу характера влияния инфраструктурного развития российской Арктики на социальную динамику, культуру, мобильность, идентичность местных сообществ (см.: Humphrey 2005; Schweitzer, Povoroznyuk, Schiesser 2017; Vakhtin 2017; Головнёв, Куканов, Первалова 2018).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры».

Инфраструктурные проекты не реализуются в изоляции. Как правило, одновременно функционирует целый ряд инициатив. Как уже было показано в антропологических исследованиях инфраструктуры, само осуществление определенного проекта нередко является результатом его дополнения целой серией начинаний, а также «встраивания» одного проекта в другие (Star 1999: 381; Bowker, Star 2000: 35). Именно благодаря «стыковке» различных проектов местное население способно реализовывать свои повседневные задачи. Однако в данной статье мы покажем, что не только сами инфраструктурные проекты, реализуемые крупными акторами, образуют между собой каскадные тандемы (Давыдов, Давыдова 2021). Мы утверждаем, что путем встраивания инфраструктур в местные инициативы большие проекты дополняются микроинфраструктурой села, создаваемой по большей части самими местными жителями. В целом функционирование инфраструктурных проектов напоминает использование плагинов в компьютерных программах. Мы развиваем метафору плагинов Б. Латура (Latour 2005), вводя термин «инфраструктурный плагин», с целью концептуализации практик создания и использования местными жителями ряда материальных объектов, позволяющих увеличить спектр возможных способов взаимодействия людей с уже имеющейся инфраструктурой. Вместе с тем «инсталлирование» таких плагинов в повседневную жизнь возможно именно благодаря наличию «основных программ», т.е. самих инфраструктурных объектов. Аргументация будет построена на анализе трех кейсов, центральным звеном каждого из которых выступают определенные материальные предметы, а именно яранга, контейнер и теплица. Прослеживая связи между бытованием в селе данных архитектурных объектов и инфраструктурными элементами, такими как дорога, порт, оленубойный пункт, магазины, жилые дома, старые колхозные постройки, мы покажем механику функционального расширения возможностей использования созданной в рамках государственных проектов инфраструктуры.

Контекст исследования: основная инфраструктура

Данная статья является результатом полевого исследования, проведенного авторами в Иульгинском районе Чукотского автономного округа в 2017–2019 гг. общей продолжительностью полгода. Полевая работа состояла из трех экспедиционных выездов в различные сезоны. Исследования велись в национальных селах Амгуэма и Нутэпэльмен, в районном центре – поселке городского типа Эгвекинот, а также в оленеводческих стоянках в тундре. Все названные места связаны между собой: между их жителями существуют родственные, дружеские, профессиональные связи, поэтому люди постоянно перемещаются между

поселками, районным центром и оленеводческими бригадами. Особенностью современных практик мобильности является увеличение количества маятниковых перемещений между всеми этими локациями, позволяющими местным жителям оперативно восполнять недостатки централизованного снабжения.

Иультинский район является площадкой, где было реализовано и апробировано сразу несколько крупных инфраструктурных проектов. Инновационным для региона стало строительство Иультинской дороги в 1946–1951 гг. силами заключенных Чукотстройлага. Эта автомобильная дорога протяженностью 200 км связывает морской порт Эгвекинот на побережье Берингова моря с континентальной частью Иультинского района Чукотского автономного округа. Изначально дорога доходила до ныне упраздненного поселка Иультин, существовавшего за счет добычи олова. Трасса проектировалась как продолжение Северного морского пути (СМП) и была ориентирована на двустороннее движение: с одной стороны, завоз строительных материалов, товаров и продовольствия, с другой – вывоз полезных ископаемых и продуктов местных колхозов. Государство инвестировало средства в реализацию данного проекта не только с целью решения транспортных и снабженческих задач, но и для осуществления контроля над данными территориями. До начала 1950-х гг. местные оленеводы отказывались вступать в колхоз, некоторые из них прятались в тундре со своими стадами от советской власти. Трасса облегчала доступ членов партии к хозяйствам амгуэмских оленеводов. Кроме того, символически Иультинская трасса транслировала определенную идеологию (Humphrey 2005): она показывала и продолжает показывать могущество государства, осваивающего отдаленные и труднодоступные места. После распада Советского Союза сократилось финансирование и состоянию дороги стали уделять меньше внимания. Однако в последние годы власти снова начали направлять средства на ее поддержание: были отремонтированы первые несколько километров трассы, ведущие из Эгвекинота в аэропорт, а также установлены интеллектуальные системы освещения (Интеллектуальные системы 2020). Тем не менее сегодня ряд участков дороги требует значительной реконструкции. В частности, на автомобиле по трассе можно доехать только до 157-го км. Многие линии электропередач отключены, дома бывших баз и поселков заброшены.

Тем не менее Иультинская трасса продолжает играть важную роль в жизни местных сообществ. Она является доминирующим каналом мобильности и занимает ключевое место в повседневных практиках местных жителей. Об этом, в частности, говорит традиция называть населенные пункты, а также обозначать месторасположение людей, животных, объектов по километражу дороги. Например, отправляясь в Эгвекинот, местные жители говорят, что едут «на первый»: районный центр располагается в

начале трассы, т.е. на первом километре. Когда рассказывают о месторасположении стада какой-либо бригады, также нередко используют в качестве пространственных ориентиров трассу и расположенные на ней объекты, отмечая, что бригада находится на том или ином километре. При этом люди и олени могут располагаться далеко от дороги, по правую или левую сторону от нее, однако часть пути к оленеводческим стоянкам зачастую проходит именно по трассе. Километр, где делают поворот в тундру, указывается в качестве места их расположения.

Выше была отмечена инфраструктурная развитость Иультинского района. Однако важно уточнить, что сам район, в том числе и благодаря трассе, не является однородным в плане инфраструктуры. Так, оленеводческое село Амгуэма, находясь на 91-м км Иультинской дороги, т.е. в двух часах езды от районного центра на машине или автобусе¹, «стянуло на себя», как говорят местные жители, многие ресурсы. В частности, сюда был переведен центр колхоза из берегового села Нутэпэльмен, воспринимаемого местными жителями как удаленное. Именно в Амгуэме развернулось крупное жилищное строительство и получили развитие коммунальные службы. Транспортная доступность позволила обеспечить несколько серий строительства новых зданий в селе. В 1970–1980-е гг. в Амгуэме были построены двух-, трех- и четырехэтажные блочные дома. В начале 2000-х гг. деревянные одноэтажные дома были заменены коттеджами, построенными по канадской технологии. Строительство подобных типовых зданий, называемых местными жителями «коттеджами Абрамовича», осуществилось во многих национальных селах Чукотки, но особенность Амгуэмы состоит в том, что подобные постройки снабжены канализацией, центральным отоплением и водой. Не все села Чукотки имеют подобные «удобства». В 2018 г. в Амгуэме был сдан в эксплуатацию новый жилой 12-квартирный дом для семей оленеводов (Жители Лорино и Амгуэмы 2018).

Наличие дороги явилось дополнительным аргументом в пользу строительства неподалеку от села оленеубойного пункта. Еще в советское время на 94-м км трассы существовал забойный пункт, в 2000-е гг. здесь же был построен современный оленеубойный пункт по финской технологии. Наличие дороги в тандеме с забойным пунктом позволило наладить производство и сбыт оленины через порт поселка Эгвекинот в Анадырь – столицу Чукотского автономного округа.

Как было отмечено, Иультинская трасса облегчает завоз товаров и продовольствия, прежде всего в Амгуэму, где в пяти магазинах представлен относительно широкий ассортимент. Прилавки магазинов береговых сел Нутэпэльмен и Ванкарем имеют более скромный вид. Однако и они отчасти заполняются продукцией, привезенной наземным транспортом, вездеходами и ТРЭКОЛами², а значит, часть пути товары проходят все по той же Иультинской дороге.

Яранги в селе

Впервые мы оказались в Амгуэме в декабре 2017 г. На улицах поселка было безлюдно: мороз и пурга концентрировали жизнь людей в домах и квартирах. Местные жители, узнав о нашем намерении приехать к ним еще раз, рекомендовали нам спланировать свой визит на лето. По их словам, нам должно было быть интереснее именно в этот период года. Одним из доводов стало обещание увидеть традиционные яранги, устанавливаемые рядом с селом в летний сезон. И действительно, приехав в Амгуэму во второй раз в июле 2018 г., из окна квартиры, где нас поселили, мы сразу увидели живописную картину: силуэты яранг, расположенных на берегу реки Амгуэмы. Буквально на второй день своего пребывания в селе мы оказались в гостях в одной из яранг. По случайному стечению обстоятельств в ней вскоре оказалась делегация из США. Ученые и представители индигенных сообществ Аляски участвовали в организованной Фондом дикой природы конференции по проблемам сохранения популяции белого медведя, проходившей в Эгвекиноте. По окончании научного мероприятия для гостей Чукотки была подготовлена культурная программа, включавшая выезд в национальное оленеводческое село с целью демонстрации элементов традиционной культуры чукчей. Центральной составляющей этого визита стало посещение яранг, хозяева которых встречали гостей, угощая их приготовленным на очаге горячим чаем и лакомствами традиционной кухни: жареными лепешками, китовым жиром, строганиной из рыбы и оленины, костным мозгом оленя. Насладившись общением и вкусной пищей, члены делегации в скором времени отправились обратно в районный центр.

Благодаря существованию Иульгинской дороги, т.е. доступности Амгуэмы, в этом месте происходит процесс коммодификации чукотской культуры. В рамках него места и элементы национальной культуры превращаются в объект потребления. Во-первых, все важные гости районного центра, как правило, вывозятся в село местными властями, а посещение яранг является основной целью таких визитов. Во-вторых, в село и на места стоянок оленеводческих бригад регулярно прибывают туристы из других городов и стран, в частности, мы встречали путешественников из Москвы и Франции (Амгуэма – чукотское село 2017). В-третьих, в Амгуэме проводятся праздники, такие как День коренных народов и «Эракор» – гонки на оленьих упряжках, на которые приезжают гости из районного центра, Анадыря, других сел и даже туристы из более отдаленных мест (см.: Ярмарка оленеводов «Эракор»). Традиционные чукотские жилища на берегу Амгуэмы превратились в обязательное место посещения приезжающих в село гостей. Яранги создают имидж традиционности, придавая селу особый колорит.

Первое впечатление от наблюдения яранг подталкивало нас к выводу, что практика возведения яранг в селе является стратегией местного сообщества, направленной на экзотизацию образа культуры коренных жителей для внешнего наблюдателя. Однако изначальное понимание яранг как туристического объекта постепенно изменилось в процессе нашего пребывания в Амгуэме. Достаточно отметить, что туристы в скором времени уехали, яранги же остались, а местные жители продолжали в них приходить и заниматься своими делами, не ориентируясь на внешних наблюдателей. Более того, мы увидели, что хозяева устанавливаемых яранг нередко сопротивлялись взгляду на их жилое пространство как на объект потребления. Однажды произошло недопонимание между одним из путешественников и хозяйкой яранги. Опытный турист, приехавший на Чукотку самостоятельно, зашел в ярангу и стал фотографировать ее изнутри. Хозяйка, находившаяся снаружи и занимавшаяся своими делами, не заметила мужчину, но, услышав щелчки фотокамеры, она сразу же зашла внутрь и поинтересовалась у гостя, почему он не спросил разрешения на фотосъемку у хозяев. Женщина была недовольна и рассердилась на туриста. Рассказывая об этом происшествии и объясняя свои чувства, она предложила нам поставить себя на ее место, т.е. в ситуацию, когда в дом заходят неизвестные люди и начинают в нем фотографировать: «Может быть, здесь не приборно или лежат какие-то личные вещи!», – возмущалась она.

Вначале мы полагали, что в Амгуэме летом 2018 г. было установлено всего три яранги. Однако впоследствии мы увидели четвертую, расположенную прямо в селе рядом с коттеджем и контейнерами ее хозяев. Данная семья проживает на окраине села, занимая последний дом одной из улиц. Такое пространственное расположение дает им преимущество, позволяя поставить ярангу у своего дома. С одной стороны, как будет показано далее, нахождение яранги в непосредственной близости от других жилых и хозяйственных построек делает удобным ее использование, с другой стороны, помогает избежать взаимодействия с назойливыми туристами.

Спустя несколько недель нашего пребывания в Амгуэме мы увидели, что есть еще и пятая яранга. Она располагалась, как и первые три традиционные постройки, на берегу Амгуэмы, но в некотором отдалении от села, и не была заметна. Благодаря рельефу местности, из самого села ее было не разглядеть. Сделав это «открытие», мы с помощью местных жителей познакомились с хозяйкой и попросили у нее разрешения посетить ярангу. Женщина любезно согласилась и пригласила нас прийти на следующий день. В ходе разговора выяснилось, что она специально устанавливает свою ярангу на некотором удалении от села. Безусловно, дорога этой женщины от дома до яранги занимает больше времени, чем путь остальных владельцев яранг. Но она говорит, что

привыкла и не видит недостатка в чуть более продолжительной пешей прогулке. Напротив, женщина считает удаленность яранги от села большим преимуществом, благодаря которому к ней никто, кроме знакомых, не ходит и не отвлекает от работы. Хозяйка пошутила о назойливости туристов, намекая и на наше любопытство.

Таким образом, мы вполне отчетливо увидели, что коммодификация традиционного жилища чукчей является периферийным процессом и явно не выступает основной причиной возникновения практики установки яранг в селе в теплое время года. Показательно, что на наш вопрос о времени возникновения данной практики информанты отвечали: она существовала изначально, т.е. с момента основания села. Местные жители говорят, что в момент строительства домов в селе некоторые люди продолжали жить в ярангах. Не стремились они их разбирать и после того, как дома были построены. Фактически практика расширения пространства хозяйственной деятельности за счет яранг лежала в основе создания села. Его первые жители – оленеводы – ставили здесь яранги и использовали их вместе с домами. Так делают и некоторые современные жители Амгуэмы. Информанты также рассказывали, что в 1990-е гг. яранги устанавливали на берегах озер, расположенных неподалеку от села.

Подобное использование стационарных и мобильных жилищ в населенных пунктах наблюдалось и у других оленеводческих групп. Например, на Северном Байкале эвенки использовали дополнительные постройки вместе с бревенчатыми домами (Шубин 1963: 182). В Олекминском районе Республики Саха (Якутия) пожилые эвенки-олленеводы до сих пор используют конические мобильные постройки в непосредственной близости от изб в летнее время в качестве помещения для приготовления пищи (ПМА 2013). На Ямале же, например, распространилась стратегия использования «дачных чумов» (Яптик 2020).

Можно сделать вывод, что установка яранг в селе (рис. 1) не новое явление, направленное исключительно на привлечение туристов, а практика, позволяющая жителям прежде всего организовать свою хозяйственную деятельность предпочтительным для них способом. Яранги следует отнести к материальным формам подсобного хозяйства, наряду с используемыми теми же людьми металлическими контейнерами и теплицами, о которых речь пойдет в других разделах статьи. Данные строения воплощают собой два важных принципа, пронизывающих местные способы ведения хозяйства: многозадачность действий и полифункциональность вещей. А.В. Головнёв раскрыл эти принципы на примере мобильности кочевников тундры (Головнёв 2017). Жители северных сел реализуют похожие стратегии и в населенных пунктах.

В частности, установка яранги является деятельностью, преследующей сразу несколько целей.

Рис. 1. Яранга в окрестностях села Амгуэма. Июль 2018 г. Фото В.Н. Давыдова

Во-первых, данная практика необходима для сохранения покрышек традиционных жилищ. Ряд местных жителей – как правило, вышедших на пенсию бывших оленеводов – являются владельцами собственных родовых яранг. В течение холодного времени года их составные части могут храниться в контейнерах и сараях. Но длительное нахождение яранг в собранном виде плохо влияет на их сохранность и качества. Яранга – мобильное жилище, при использовании оленеводами данная конструкция постоянно пребывает в действии и движении. Для сохранности яранги ее обязательно надо разбирать, просушивать, а также ремонтировать. Кроме того, люди, их яранга и вещи, ее наполняющие, считаются неразрывно связанными. В.Г. Богораз даже относил ярангу к семейным святыням (Богораз 1939). И действительно, часто несколько ее деталей (деревянные шесты) являются очень старыми и передаются из поколения в поколение. В этой связи некоторые амгуэмцы, прекратившие кочевать в тундре, предпочли сжечь свои семейные яранги, а также все принадлежавшие им ритуальные предметы. По словам информантов, яранга и все ее содержимое, в том числе культовые вещи, должны участвовать в жизни людей и обрядовой деятельности. Иначе, по представлениям местных жителей, домашние духи, принадлежащие этой яранге, не только перестанут помогать своим хозяевам, но и начнут вредить им. Таким образом, установка яранг и временное их использование – необходимые условия для сохранения самих жилищ и благополучия их хозяев.

Во-вторых, яранги позволяют существенно расширить площади для ведения подсобного хозяйства, дают возможность не ограничиваться территориями, непосредственно примыкающими к домам. В ярангах выделывают шкуры, кроют и шьют. Заниматься «мехатурой» (так местные жители называют шкуры оленей и изделия из них) в квартирах и домах неудобно и хлопотно: шерсть разносится по полу, шкуры плохо сохнут, и для этих целей не хватает площадей. Хозяйки четырех яранг

занимались изготовлением меховых изделий как для своих родственников-оленеводов, уходящих в тундру, так и на продажу. Одна из женщин рассказала, что она даже шила одежду под заказ в Москву.

Яранги используются для приготовления пищи: в них сушат мясо и рыбу над очагом, ферментируют различные традиционные блюда – например, *қэмэйъырын*³ или *вытвыт*⁴. Конечно, высушить оленину можно и на крыльце своего коттеджа, однако сами информанты признаются, что вкус у нее будет совсем другой, нежели у мяса, высушенного в яранге, пропитавшегося запахом тундры и очага. Показательно, что местные жители при приготовлении сушеного мяса или рыбы в селе подчас используют соль, чтобы избежать пресного вкуса. По словам информантов, при готовке в яранге пищевая добавка не требуется, блюдо получается ароматным и вкусным само по себе.

Яранга также используется в качестве места употребления пищи, в том числе приготовленной в коттедже или квартире. Однажды мы участвовали в трапезе, проходившей в квартире, и нам была предложена чукотская еда: *porat*⁵ и *натъём*⁶. Последнее блюдо было ферментированным и издавало несколько специфический, резкий, даже для местных жителей, запах. Женщины, организовавшие застолье, отметили, что в яранге запаха не чувствуется, так как воздух тундры и очага его поглощает. Таким образом, место потребления пищи влияет на восприятие ее вкуса. Видимо, по этой же причине семья, установившая свою ярангу рядом с коттеджем, нередко организовывала застолья в ней, приглашая друзей и родственников.

Яранги также используются для хранения вещей. Например, один из хозяев хранит в своей яранге рыболовные снасти, одежду и обувь, а также нарты. Отправляясь на рыбалку к реке, он по пути заходит в ярангу, переодевается и берет орудия лова. Это позволяет использовать ярангу вместо рыболовецкого балка.

Яранга – это еще и пространство для проведения досуга с детьми, семьей, друзьями. Характерно, что в двух ярангах на перекладинах были подвешены детские качели. Яранги редко используются для ночлега, даже не во всех из них были установлены *пологи*⁷. Однако иногда люди ночевали в ярангах. Так, одна женщина оставалась на ночлег по выходным со своими внуками.

Наконец, установка яранг позволяет организовать «дисплей» для сторонних наблюдателей, демонстрирующий и утверждающий аутентичность образа жизни местного сообщества, тем самым привлекая туристов, порой с прагматическими целями. В частности, на официальных праздниках чиновники, заходя в яранги, дарили местным жителям подарки, некоторые владельцы яранг становились проводниками туристов в путешествиях по тундре, получая возможность подработки.

Таким образом, яранга как материальный объект является полифункциональной. Таковой она предстает в тундре, таковой она остается, будучи установленной в селе. Но если у оленеводов она является основным местом проживания, домом, то в Амгуэме ее функции можно сопоставить с функциями других конструкций, используемых местными жителями. Далее мы сравним яранги и контейнеры и на конкретных примерах из полевой работы покажем, что данная микроинфраструктура села расширяет возможности, предоставляемые большими инфраструктурными проектами.

Контейнер у яранги

Типичной частью пейзажа оленеводческих стоянок являются яранги и меховые палатки, а неперменной составляющей ландшафта арктических поселений стали металлические контейнеры (Давыдов, Давыдова 2021). Они, как и яранги в Амгуэме, являются элементом микроинфраструктуры подсобного хозяйства. Более того, как мы покажем далее, контейнеры и яранги дополняют и взаимозаменяют друг друга.

Одна из обладательниц яранг, расположенных рядом с селом, мечтала установить контейнер рядом с традиционным жилищем. Такое расположение хозяйственных построек было бы очень удобно для деятельности этой женщины. В яранге она в основном выделывает шкуры, из которых впоследствии шьет одежду и обувь для своих родственников, работающих в тундре. «Мехатуру» держат, как правило, в контейнерах, где она лучше всего сохраняется. Женщине было бы удобно заниматься изготовлением меховых вещей в яранге и складывать их сразу в близстоящий контейнер. Оба строения обладают такими характеристиками, как мобильность и модульность. Но показательно, что в этом примере контейнер оказывается даже более мобильным, чем жилище кочевников: именно он должен переместиться к берегу реки, а не наоборот. Безусловно, контейнер испортит экзотический вид стоящих на берегу реки яранг. Но для местных жителей важнее оказывается расширение возможностей подсобного хозяйства и «достраивание» необходимой им инфраструктуры, происходящее посредством (ре)комбинации модулей. Модульность является важнейшей характеристикой хозяйства кочевых сообществ Арктики (Головнёв и др. 2018). Таким образом, яранга и контейнер (сарай) – это хозяйственные строения, дополняющие друг друга. При этом оба расширяют жилое пространство домов и квартир и используются для выполнения различных видов хозяйственной деятельности, а также хранения вещей.

Как было сказано, одна семья уже реализовала мечту упомянутой женщины, установив ярангу в непосредственной близости от дома и хозяйственных построек (рис. 2).

Рис. 2. Яранга рядом с блоком контейнеров в с. Амгуэма. Июль 2018 г.
Фото В.Н. Давыдова

Насколько мы могли наблюдать, ее хозяйка в меньшей степени погружена в работу со шкурами. Но она, будучи многолетней матерью и уже бабушкой, устраивает в яранге застолья, на которых собирается ее большая семья, и принимает гостей. Женщине удобно приготовить часть блюд в коттедже, часть – в яранге, а затем принести пищу к очагу, накрыв небольшой стол. Следует отметить, что сараи и контейнеры, так же как и яранги, могут использоваться для организации приготовления и приема пищи на свежем воздухе. Мы несколько раз наблюдали, как местные жители жарят мясо на мангалах вблизи своих хозяйственных строений – гаражей и контейнеров. Рядом с ними порой ставят столы и скамейки для отдыха. Контейнеры иногда адаптируют под копильни, а в Нутэпэльмене некоторые жители сделали на их основе бани, обшив изнутри досками.

Таким образом, яранга и контейнер находятся не только в отношениях дополнения (как в случае со шкурами), но и в отношениях взаимозаменяемости. Приведем еще один пример. Контейнеры и сараи местные рыбаки используют вниз по течению реки Амгуэмы недалеко от села, чтобы оставлять в них моторы и рыболовные снасти. Как уже отмечалось, в яранге тоже хранят вещи, необходимые для рыбалки, т.е. некоторые предметы, обычно оставляемые в контейнере или сарае, могут держать и в яранге. Однако для нас стало неожиданностью, что вещи, принадлежащие яранге, тоже могут оказаться в контейнере.

Владельцы одной из яранг, муж и жена, довольно трепетно и с большим уважением относящиеся к традиционным верованиям и ритуалам чукчей, соблюдают некоторые обряды, верят в духов, чтут мудрость своих предков. Яранга для чукчей значит больше, чем просто жилое пространство. Исследователи Чукотки уже показали, что мобильное жилище чукчей является местом, где осуществляется ритуальная

деятельность, а также одним из акторов этих ритуалов (Vaté 2013: 198). Очаг, ритуальные предметы, такие как огнивные доски, деревянные чашки для жертвоприношений, фигурки духов-охранителей и др., считаются принадлежащими к какой-то конкретной яранге. Все вместе они заботятся о благополучии людей, хозяев этой яранги, и о процветании их стада. Вещи из одной яранги ни в коем случае нельзя приносить в другую ярангу, т.е. в другое домохозяйство. В этой связи, оказавшись в яранге упомянутой семьи, мы невольно стали искать глазами обрядовые предметы, принадлежащие жилищу. Однако их не было видно. Мы поинтересовались у хозяина, есть ли у них такого рода «святыни». Оказалось, что они хранятся в металлическом контейнере. Информант сказал, что их «духам вполне хорошо в контейнере», так как они «правильно с ними обращаются», оказывая им положенные почести. Подобное перемещение ритуальных объектов не противоречит традиционным взглядам местных жителей, поскольку они не были отнесены в другой дом и семью. Они остались в том же домохозяйстве, под присмотром членов семьи, которой они принадлежат, но были перемещены из одной хозяйственной постройки в другую.

На наш взгляд, яранги и контейнеры можно назвать «плагинами» созданных в рамках государственных проектов типовых форм жилья местных жителей. Квартиры и коттеджи несколько ограничивают привыкших к большей свободе тундровиков. Подобные расширения позволяют им создавать собственные мобильные постройки, перемещая их по мере необходимости на новые и более удобные места. Посредством этих строений местные жители увеличивают свои возможности, а также «достраивают» необходимую им инфраструктуру. Коттеджи и квартиры, имея множество преимуществ и удобств (канализация, водопровод, ванна, отопление), не могут быть использованы для большого количества видов деятельности, привычных, желаемых и даже порой необходимых для местных жителей, как, например, выделка шкур, приготовление традиционных блюд, рыбалка и т.д. Не могут они и в полной мере обеспечить традиционных вкусов приготавливаемых в них пищевых продуктов.

Возможности использования жилищной инфраструктуры расширяются за счет создания и поддержания микроинфраструктуры села. Кроме того, яранги, превращаясь в объект потребления для туристов и других гостей Амгуэмы, функционируют как инфраструктурные плагины Иультинской трассы, являющейся каналом мобильности, по которому и приезжают многочисленные гости оленеводческого поселка и осуществляется снабжение. Описанные выше «расширения» в виде дополнительной микроинфраструктуры, принимающей форму туристических объектов, или хранилища, или места отдыха и т.д., возможны только при наличии базового проекта, а также его поддержания за счет

официальных властей и усилий местных жителей, поскольку многие проекты никогда не были бы реализованы, если бы их не поддерживало государство (Эткинд 2020: 59).

Теплица в гараже

Еще одна инновация, появившаяся на Чукотке в советский период, а сейчас являющаяся обычной частью пейзажа ряда населенных пунктов, – парник, типичная постройка, олицетворяющая дачное и приусадебное хозяйство в других регионах России. Расположены теплицы как в непосредственной близости у домов и коттеджей, так и на некотором удалении от жилых помещений в хозяйственной части поселка, где сконцентрированы сараи, гаражи и контейнеры.

В контексте Чукотки парник имеет свои особые черты. Прежде всего это использование стратегии гибридизации или сращивания парников с другого рода постройками – гаражами, сараями, контейнерами. Все вместе они составляют конгломераты построек, позволяющие совмещать большое количество практических функций. Местные жители довольно изобретательны в поиске как материалов, так и форм. Теплицы нередко выстраиваются как часть своеобразных теплично-гаражных комплексов, которые позволяют за счет общих стен экономить топливо для обогрева, а также необходимые строительные материалы. Нередко за стенкой теплицы располагается гараж или сарай.

В селе Амгуэма можно наблюдать большое количество разнообразных теплиц, построенных из подручных материалов (рис. 3). Более того, функции парника может выполнять любая другая постройка, обладающая необходимыми характеристиками. Например, для выращивания растений в селе Амгуэма местные жители приспособили остекленную веранду здания администрации, а также коридор, соединяющий здание школы и интернат. Для этих же целей используются подоконники на окнах. В основном в Амгуэме выращивают огурцы, помидоры и зелень.

Материалы для строительства теплиц зачастую являются экспериментальными: используются остатки старых конструкций, заброшенная государством инфраструктура (например, столбы расположенной вдоль Иульгинской трассы линии электропередач и старые здания). Данные материальные объекты используются и в качестве топлива. Из-за климатических условий парники на Чукотке необходимо отапливать. Большинство теплиц обогревается печками-буржуйками, нередко самостоятельно изготовленными из металлических листов, железных бочек. Для строительства и утепления парников применяются заменяемые во время планового ремонта части действующих инфраструктурных объектов: «Теплотрассу разбирают в этом году, и в прошлом году тоже

разбирали. Старую минвату выкидывают, я ее забрал, использовал, стены утеплял». Большинство теплиц в Амгуэме покрыты стеклом. Для этого используются старые оконные рамы. В обиход постепенно входят и новые материалы: в частности, местные жители стали использовать для теплиц поликарбонат, начали обшивать их металлопрофилем.

Рис. 3. Парник в с. Амгуэма. Фото Е.А. Давыдовой

Первоначально теплицы строились приезжими, местными учителями, работниками колхоза и ремонтниками дороги, которые таким образом стремились восполнить недостаток снабжения свежими овощами. Сейчас парники в Амгуэме содержат и представители коренного населения.

Некоторые жители выращивают растения на продажу и даже возят их из Амгуэмы в районный центр Эгвекинот. По словам одного из информантов, спрос на овощи есть всегда, несмотря на то что в самом районном центре также много теплиц. Во-первых, они есть не у каждого; во-вторых, овощи местного производства дешевле и считается, что они лучшего качества. Как отмечает информант, то, что продается в местных магазинах, «на гидропонике все, никакое – хоть помидор, хоть огурец, вода водой, да еще и отравиться можно». Доставка местной продукции в районный центр осуществляется по Иульгинской трассе.

Овощи и зелень в местных теплицах выращиваются в земле, собранной в тундре. Как говорят овощеводы, эту землю практически не надо удобрять, так как она представляет собой мощную органическую смесь.

Информанты утверждают, что в течение нескольких лет ее можно только поливать. Далее возможно удобрение различными биологическими субстанциями: рыбой, оленьей кровью, пищевыми отходами. В советское время, когда существовало животноводство, почву в теплицах удобряли навозом.

Благодаря теплицам у местных жителей есть возможность самостоятельно выращивать дефицитные «свежести», не всегда доступные в местных магазинах. Отапливаемые теплицы используют с ранней весны до поздней осени. Это позволяет местным жителям быть менее зависимыми от перебоев с поставками пищевых продуктов. Теплицы на Чукотке дают первый урожай уже весной. Значит, в момент, когда прошлогодний запас привезенных свежих овощей закончился, а новый привоз далеко впереди (через несколько месяцев), местные жители восполняют недостаток свежих продуктов с помощью теплиц. Такого рода хозяйственная деятельность в обход временных циклов снабжения сел с материка, а также из Анадыря обладает своей собственной логикой и темпоральностью. Овощи в теплицах собираются весной-летом, а осенью, когда происходит резкое уменьшение количества солнечных дней, жители переключаются на овощи, доставленные во время летнего завоза, или же полностью исключают их из своего рациона.

Сами же парники, как было показано, появились во многом благодаря более крупному инфраструктурному проекту, встраиваясь в него наподобие «плагинов». Они не существуют отдельно от трассы. По дороге не только поставляются стройматериалы, вывозится часть амгуэмского урожая, но и сама связанная с дорогой заброшенная инфраструктура много лет служит источником материалов и топлива, необходимых для возведения, ремонта и отопления теплиц.

Выводы

Инфраструктурные плагины и связанные с ними многозадачность действий и полифункциональность вещей (Головнёв и др. 2018) помогают местным жителям поддерживать свою автономность. Современное чукотское домохозяйство, таким образом, состоит из целого набора построек, которые мыслятся как единое целое, позволяющее вмещать не смешиваемые с другими домохозяйствами предметы и изображения духов-хранителей. Помещаемые в металлический контейнер «духи» продолжают выполнять свои функции, а вынимаемая из контейнера яранга не просто служит «расширением» пространства подсобных помещений, но и позволяет сохранять благополучие семьи, обеспечивая ее хозяев новыми возможностями, а также позволяя почувствовать оттенки вкуса традиционных блюд, по-иному ощущаемые в современных коттеджах и квартирах. В отдельных случаях различные строения мо-

гут быть расположены близко друг к другу. В основном же они находятся в разных частях села, что дает их хозяевам возможность менять контекст своего присутствия.

Инкорпорация новых элементов не противоречит традиционным представлениям, но позволяет воспроизводить их в новом контексте. Яранги не только позволяют транслировать символы традиционной культуры внешним наблюдателям, но и создают хорошую возможность приобщения местных детей к традиционным формам. Яранги становятся пространством детских игр и воспитания. Они не являются прямым аналогом дачной инфраструктуры, поскольку свойственные ей функции в чукотском селе фактически реализуются в нескольких местах. Широкое использование парников позволяет самостоятельно восполнить недостаток снабжения, производя дополнительные пищевые продукты. Таким образом, рассмотренные в данной статье объекты микроинфраструктуры села помогают местным жителям поддерживать свою относительную автономность, давая возможность производить и накапливать ресурсы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности местных домохозяйств.

Примечания

¹ Два раза в неделю из Амгуэмы в Эгвекинот и обратно ходит рейсовый автобус (вахтовка). Амгуэмцы активно его используют для поездок в районный центр.

² Название «ТРЭКОЛ» происходит от слов «Транспорт ЭКОЛОгический».

³ *Кэмейрын* – чукотское блюдо, приготовляемое из сушеных или вымоченных листьев ивы, смешанных с содержимым оленьего желудка. Данную массу оставляли ферментироваться до наступления морозов. Ели зимой в мороженом виде (ПМА 2017–2019).

⁴ *Вывыт* – сильно разваренный и тщательно растертый руками до состояния теста щавель (ПМА 2017–2019).

⁵ *Рорат* – колбаса из оленьего мяса (ПМА 2017–2019).

⁶ *Натъёт* – чукотское блюдо: обжаренные на костре и впоследствии ферментированные в оленьей крови копыта и губы оленя (ПМА 2017–2019).

⁷ *Полог* (это не чукотское слово, хотя сейчас чукчи сами его используют) – меховой мешок в форме прямоугольного ящика, повернутого к полу открытой частью, в котором люди спят и отдыхают (Богораз 1991: 102–108).

Источники

Амгуэма – чукотское село с самыми красивыми северными сияниями // Блог Евгения Басова. 03.11.2017. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/265534.html>

Жители Лорино и Амгуэмы стали владельцами новых квартир // Сайт информационного агентства «Чукотка». 01.02.2018. URL: https://prochukotku.ru/news/actual/zhiteli_lorino_i_anguemy_stali_vladeltsami_novykh_kvartir_5159

Интеллектуальные системы освещения установят на дороге «Эгвекинот – Мыс Шмидта» // Сайт информационного агентства «Чукотка». 04.03.2020. URL: https://prochukotku.ru/news/actual/intellektualnye_sistemy_osveshcheniya_ustanovyat_na_doroge_egvekinot_mys_shmidta_10336

ПМА 2013 – Материалы полевых исследований В.Н. Давыдова в Олекминском районе Республики Саха (Якутия), апрель-май 2013 г. Полевой дневник.

- ПМА 2017–2019 – Материалы полевых исследований Е.А. Давыдовой и В.Н. Давыдова в Иультинском районе Чукотского автономного округа, 2017–2019 гг. Полевые дневники.
- Ярмарка оленеводов «Эракор». Этногур на Чукотку зимой // Сайт туристической компании «RussiaDiscovery». URL: <https://www.russiadiscovery.ru/tours/v-gostyakh-u-olenevodov-chukotki/>

Литература

- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Часть II. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Головнёв А.В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2(55). С. 6–15.
- Головнёв А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А. Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // Этнография. 2021. № 1(11). С. 25–49.
- Шубин А.С. Современное эвенкийское село. Исследования по истории Бурятии // Труды комплексного научно-исследовательского института. 1963. № 11. С. 179–188.
- Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Яптик Е.С. «Дачный» чум как стратегия хозяйственной деятельности ненцев Ямала // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 16–23.
- Bowker G.C., Star S.L. Sorting Things out: Classification and its Consequences. London: MIT Press, 2000.
- Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2005. № 11 (1). P. 39–58.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory: Oxford University Press, 2005.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, № 1. P. 58–85.
- Star S.L. The Ethnography of Infrastructure // American Behavioral Scientist. 1999. № 43 (3). P. 377–391.
- Vakhtin N.B. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? // Sibirica. 2017. № 16 (3). С. 1–13.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Household microinfrastructure in Chukotka: yarangas, containers and greenhouses

Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/6

Elena A. Davydova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: elenav0202@gmail.com

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19-09-00268)

Abstract. The article presents the results of a six-month fieldwork in the Iul'tinskii raion of the Chukotka Autonomous Okrug in 2017-2019. The focus is the infrastructure used by local people, as well as the practices of adapting it to perform everyday tasks. The authors consider the yarangas, containers and greenhouses used in the village of Amguema as “embedded” and easily replaceable modules that quickly expand the capabilities of local people in the context of their economic activities. Such material objects play the role of “infrastructure plug-ins” which function in tandem with “major programs” – large infrastructural projects being implemented in Chukotka. Yarangas, containers and greenhouses, which are consistent with the principles of multitasking and multifunctionality of things, help local people maintain their relative autonomy, enabling them to produce and accumulate resources necessary to support livelihoods of local households.

Keywords: household, resources, supply, infrastructure, Chukotka, Arctic

References

- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religiiia* [Chukchis. Religion]. Part II. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 1939.
- Bogoraz V.G. *Material'naia kul'tura chukchei* [Chukchi Material Culture]. M.: Nauka, 1991.
- Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things out: Classification and its Consequences*. London: MIT Press, 2000.
- Davydov V.N., Davydova E.A. Proekty razvitiia infrastruktury na Chukotke: ispol'zovanie resursov zhiteliami natsional'nykh sel [Infrastructure Development Projects in Chukotka: The Use of Resources by the Dwellers of the National Villages]. *Etnografiia*, 2021, Vol. 1(11), pp. 25-49.
- Etkind A. *Privoda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The Nature of Evil: A Cultural History of Resources]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Golovnev A. V. Arkticheskii etnodizain [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2017, Vol. 2 (55), pp. 6–15.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. Arktika: atlas kochevykh tekhnologii [The Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2005, Vol. 11(1), pp. 39–58.
- Iaptik E.S. “Dachnyi chum kak strategiiia khoziaistvennoi deiatel'nosti nentsev lamala [“Dacha” Choom as a Strategy of the Yamal Nenets' Economy]. *Kunstkamera*, 2020, Vol. 1(7), pp. 16-23.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press. 2005.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North. *The Polar Journal*, 2017, Vol. 7(1), pp. 58–85.
- Shubin A.S. Soveremennoe evenkiiskoe selo [Contemporary Evenki Village]. *Issledovaniia po istorii Buriatii. Trudy kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 1963, Vol. 11, pp. 179–188.
- Star S.L. The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioral Scientist*, 1999, Vol. 43(3), pp. 377-391.
- Vakhtin N.B. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? *Sibirica*. 2017. № 16(3). C. 1-13.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. Ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, and V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013, pp. 183–199.